

16+

Сергей Пилипенко
За двумя стенами

Сергей Пилипенко

За двумя стенами

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Пилипенко С. В.

За двумя стенами / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

ISBN 978-5-532-07795-9

Книга представит читателю историю совсем необычного награждения и одновременно познакомит с мыслями и рассуждениями тех, от чьих решений напрямую зависела судьба многих людей и решительный исход войны. Совсем не однозначным является отношение людей к образам Сталина и Жукова, а потому время требует своего очередного пересмотра, вынося на суд людской новые подробности того времени.

ISBN 978-5-532-07795-9

© Пилипенко С. В., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Пролог

О чем бы мы ни говорили, мы всегда привержены одному – течению своей мысли.

Иногда она бывает пришлой, как в случае лично со мной, порою неотвязной, как что-то наболевшее и гнетущее, а иногда и вовсе кажется настоящей бессмыслицей в тяготе живого настоящего дня.

Мысль человека – его тягота к лучшему. Лишь тело порой отягощает ее на столько, на сколько содержится ума в том самом человеке, ту самую мысль последующе преследующем.

То, что приведено ниже и есть настоящие мысли или точнее, их отголоски уже во времени настоящем.

Так ли думали сами люди, живущие в свое время – об этом мы можем только догадываться, основываясь на самих фактах уже изученной нами всеми истории.

Но, так ли по-настоящему изученной или просто выученной под настоящим предводительством тех, кому она сама заблаговременно создала условия для выражения и еще более того, руководства непосредственно людьми.

Подумайте сами над этим. Время тому само по себе и вполне естественно пришло.

Награда тому – всего лишь свобода. А она, как мне кажется, благоприятна для всех.

Нет людей, жаждущих противоположного, и нет тех, кто бы, рождаясь, тянулся именно к этому.

Пороки во многом ограждают людей от мысли и особенно жестко насаждают свою силу воли.

Тем самым постоянно задавливают ее изнутри, не давая возможности хоть как-то пробиться наружу.

В том слабость людского сознания и в том же порог самого времени нашего, за который мы все преступить должны, дабы избавиться от этого навсегда.

И путь к нему сейчас близок, как никогда. Осталось только совершить шаг, незаметно ступив на него, чуть далее устоять, а уже позже просто перешагнуть, оставляя позади то, что оказалось ненужностью времени и самым обыкновенным потворством откровенного человеческого взросления.

Глава 1

Небо Москвы повсюду пестрело светло-желтыми и голубыми взглядами мощных прожекторов. Шел 1944 год, а над городом хоть изредка, но все же появлялись черные кресты уходящих на запад самолетов.

Была полночь. Человек подошел к окну и, с минуту постояв, взглядываясь в эту ночную галерею ужасов, решительно отступил назад и подошел к столу.

Сняв трубку с огромного телефонного аппарата, он тихо и вежливо произнес:

– Дайте Ставку Главнокомандующего.

– Одну минуточку, – затрепетал в ответ чей-то ласковый голосок, и в трубке послышалось какое-то скрежетание и поершивание.

Спустя минуту связь наладилась, и трубка ожила голосом Главнокомандующего.

– Слушаю, Жуков...

– Здравствуй, Георгий, – произнес тихо человек, стоявший у телефонного аппарата.

– Здравия желаю, товарищ Верховный..., – начал было по-военному новоиспеченный маршал.

– Ладно, не надо этого, – прервал Сталин, – давай о деле. Что там у тебя? Почему до сих пор Москву бомбят немецкие самолеты?

– Я., – хотел было что-то сказать Жуков, но голос по другую сторону, снова так и не выслушав, прервал его и продолжил.

– Немедленно отправляйся ко мне, – кратко и отрывисто произнес Сталин, – к утру, чтобы был здесь.

– Есть, – выдохнул Жуков и, с минуту постояв с трубкой в руке, тихо положил ее на рычаг полевого телефона.

В штабе было тихо. Только где-то вдали грохотали одинокие выстрелы и рвались земные снаряды. Наверное, кто-то хотел прорваться к своим или же, наоборот.

Жуков тяжело вздохнул. Делать было нечего. Нужно ехать. Зная крутой нрав Верховного, он не мог позволить себе усидеть на месте хоть минуту и, поднявшись со стула, разбудил дежурившего офицера.

– Иванов, мать твою..., – ругнулся он вполголоса, чтоб не разбудить остальных, лежавших тут же, прямо в штабной палатке.

– Я..., я, – тревожно и спросонья отозвался он, вскакивая на ноги и на лету застегивая ворот гимнастерки.

– Ты, вот что..., – продолжил Жуков, с секунду осматривая своего подчиненного, – дуй на взлетное поле и предупреди командира, чтоб через десять минут самолет был готов к вылету.

– А куда лететь? – так же спросонья пробубнил капитан.

– В Москву, – сухо ответил Жуков, отходя в сторону к столу и сворачивая карту боевых действий в полевую сумку.

– Есть, – уже немного придя в себя, отвечал капитан, накидывая на плечи шинель, так как на улице все еще было холодно.

Жуков снова сел на стул и, молча, наблюдал за спящими, вместе с тем думая о том, зачем Сталину он понадобился именно сейчас.

Шла весна, довольно ранняя, судя по бурным потокам вод от таявшего повсюду снега и льда. То, что самолеты не давали покоя Москве, приходилось слышать и раньше.

Это не было главной причиной вызова.

– Наверное, что-то стряслось, – думал про себя Жуков, – но что?

А время уносило его мысли вглубь, в ту пору его первых побед. Жукову почему-то вспомнился Халхин-Гол, а затем почти такой же вызов в Москву.

– Что-то за этим кроется, – снова тревожился маршал, – уж, наверное, не к званию решил меня представлять, – почему-то грустно подумал Главнокомандующий, вспоминая последнюю, полученную от Верховного звезду.

А, может?.. Чем черт не шутит, – повеселело на душе у него. – Решил, что мало наград. Дай, мол, добавлю еще одну. Может, весенняя кампания быстрее пойдет?..

Жуков от такой мысли даже тихо засмеялся, чуть, было, не разбудив спящих офицеров.

Кто-то сонно пробормотал, что не до смеха сейчас и, перевернувшись на другой бок, снова захрапел.

Георгий Константинович встал и, оглядевшись по углам палатки, пошел в один из них, где висела его парадно-выходная шинель и мундир со всеми регалиями.

Сталин любил, когда к нему во весь фронт являлись именно так.

Это давало какое-то преимущество в его личном суждении о войне.

Он как бы ее вовсе игнорировал, тем самым подчеркивая необходимость такого образа мышления.

Жуков быстро переоделся и даже побрызгался какими-то трофейными духами, запах от которых мгновенно распространился в довольно небольшой удушливой палатке, заставив некоторых достаточно долго шмыгать носом и даже переворачиваться во сне.

Он знал, отчего так происходит. Этот запах напоминал каждому его довоенную жизнь, семью, детей и всякое другое, известное и принадлежащее только ему.

Снова почему-то взгрустнулось. На глаза налезла картина последнего боя, когда у него на глазах разорвало от посланного немцами снаряда его довоенного друга и первостепеннейшего помощника в штабной работе.

Осталась семья, дети, жена и прочее целомудрие жизни. Что он мог поделаться, кроме как послать запоздалый новогодний подарок все из тех же трофеев, да к нему прикрепить орденскую планку, сделанную наспех руками обыкновенных солдат. Наспех написал и о заслугах. Но что они?

Разве заменят им теперь отца и мужа. Это он, конечно, понимал. Но поделаться ничего не мог, иначе нельзя. Повсюду полно смертей и эта не последняя из них и не первая.

Жуков снова вздохнул и сел на краешек табурета. Мысли вновь понеслись своей чередой...

Спустя время в палатку влетел посланный им офицер и доложил:

– Все готово, товарищ Маршал Советского Союза. Летчик ждет.

– Вот и хорошо, – спокойно ответил Главнокомандующий и, встав с табурета, разбудил одного из спящих.

Тот, сонно помотав глазами, приподнялся, а затем тряхнул головой.

– И долго же я спал? – спросил неожиданно резко он, вставал со своего места.

– Полтора часа, – тихо ответил Жуков и добавил, – я в Москву по вызову. Остаешься за меня. Карта со мной, так что составь новую. Помнишь?

– Угу, – промычал тот, застегивая гимнастерку и протирая глаза от надоедливости дыма и копоти, – а по какому поводу?

– Не знаю, – так же тихо ответил Жуков, пожимая тому на прощанье руку, – думаю, что-то стряслось.

– Да-а, – протянул поднявшийся генерал, – видимо неспроста, вот так, среди ночи.

Жуков пожал плечами и, развернувшись, сказал уходя:

– А хоть бы и так, то что с этого, – и шагнул за дверь навстречу весеннему бездорожью.

Возле палатки дежурил его застарелый Зис и, растолкав шофера, спавшего прямо за баранкой, маршал строго приказал:

– На взлетную полосу.

– Есть, – тревожно ответил солдат, заводя машину и почти сходу бросая ее в лужи.

Машину заносило в той извечно убаюканной грязи, и это отчасти мешало думать Главнокомандующему.

Он то и дело стучался головой о стекло, пытаясь хоть что-то разглядеть в кромешной тьме прифронтовой дороги, и серчал на водителя:

– Да, потише ты едь, голову разобью.

– Тише нельзя, товарищ Маршал Советского Союза, – отвечал тот, – застрянем, а помочь некому. Ночь на дворе.

– Сам знаю, – зло отозвался Жуков, но уже не оседал водителя, понимая, что тот прав.

– Наконец, та обширная часть заезженной и разбитой копытами лошадей дороги закончилась, и машина немного успокоилась, вырвавшись на какое-то поле.

Только иногда чувствовалось как ее заносило, и она юзом сползала с накатанного ранее пути.

Впереди чуть-чуть смутно горели небольшие огоньки. То были опознавательные знаки аэродрома. Самолеты сейчас уходили на задание ежедневно, ежечасно и даже поминутно.

Этого требовала обстановка, сложившаяся на фронте.

Этого же требовал и сам Верховный, понимая, как велико значение такого подхода к делу. А то, что война сейчас для всех стала именно делом, уже никто не сомневался.

С ней свыклись и ходили на задание так же, как и на работу. А чудом уцелевшие, радовались своему возвращению и готовились снова в поход.

Смерти не было. Она не существовала в головах тех, кто воевал. К ней привыкли. Привыкли так же, как можно привыкнуть ко сну, одеялу с подушкой, жене под боком и т.д.

Но все же боль иногда одолевала людские сердца, и некоторые срывались.

Кто бросал самолет в бездну темной ночи или в какой уходящий состав, кто бросался на амбразуру, так и не разобравшись до конца в себе самом и остальных, а кто просто ругался безбожно матом и стрелял во все стороны, невзирая ни на что, пока не кончатся патроны или кто-то, даже из своих, его не осадит.

Такая была обычная жизнь на войне и такой ее видели все фронтовики. За бога забыли здесь. Он никому не был нужен. Сейчас богом для них была артиллерия, а матерью – пехота, и война шла своим чередом, как усталый и закоренелый тяжелый чей-то труд.

Здесь были все: и стар, и млад, и юн, и опытен в делах, были жены, дети, отцы и даже деды. За годы этой затянувшейся войны Жуков успел повидать многое.

Встречал даже своих давно забытых земляков, которые его так же, как и он, совсем не помнили.

В такие минуты Жуков вспоминал свою маленькую деревушку, дом над рекой и своих рано поседевших мать с отцом. Чем он мог помочь им тогда, в годы тяжелого крестьянского труда, который до сих пор оставался таким, каким был извечно.

Он посылал им деньги, но вряд ли они им понадобились бы в той захолустной русской деревушке, где не было даже обычного сельпо или чего-то вроде этого.

Скорее это была всего лишь та борозда, которую он как сын должен был соблюсти для приличия и во благо. Они дали ему жизнь и родили на свет божий, а он должен им помогать и кормить до конца дней.

Но что-то в этой вечно трепещущей цепи сорвалось или поломалось. Жуков не испытывал той искренней тяготы к дому, как это понимают другие.

Нет. Он любил их и любил сильно, как сын может любить свою единственную мать. Но этого было мало для всестороннего его понимания мира. Того, в котором он жил тогда и уже сейчас. Добившись славы в своем кругу, он неизменно мысленно переносился в ту далекую деревню к своим родным и в душе общался с ними.

Но дальше этого не шло.

Машину тряхнуло, и Жуков больно стукнулся лбом о стекло, но выругаться все же не успел. Раздался взрыв, и где-то совсем рядом земля озарилась ярким светом.

– Вот черт, – ругнулся вслух Главнокомандующий, – даже ночью покоя не дают. Что-то в их графике сломалось.

Шофер что-то буркнул в ответ, но за грохотом взрывов, раздававшихся, то здесь, то там, Жуков уже ничего не слышал.

Он хотел лишь одного. Побыстрее добраться до взлетки и оказаться на борту самолета.

И вовсе не от страха взрывов, а от того, что там, в Москве, его ждал тот, от чьих указов зависела судьба многих и многих, в том числе, и его самого.

Карта была у него в сумке и нужно поскорее показать ее Верховному, дабы он сам лично убедился в обстановке, сложившейся на фронтах.

Наконец, пробравшись сквозь какие-то, наспех сооруженные заграждения, машина влетела на взлетную полосу и порулила к штабному домику.

Навстречу выбежал какой-то дежуривший офицер и принялся докладывать, но Жуков резким взмахом руки остановил его и зашел в здание.

В комнате было душно и накурено, отчего в горле аж запершило.

Все присутствующие встали, а командир полка доложил.

Жуков снова перебил доклад рукой и сказал:

– Где летчик и самолет?

– Там, на взлетке, – отвечал быстро тот, одевая на голову фуражку, как бы предлагая самого себя в проводники.

– Не надо, – остановил снова Главнокомандующий, – сам найду, – продолжил он и шагнул из комнаты на улицу, на пороге чуть не столкнувшись со своим водителем.

– Ты чего здесь толкаешься? – строго спросил маршал.

– Я хотел узнать, – начал оправдываться солдат, – где ждать.

– Жди здесь, через день буду, – кратко ответил тот, ускоряя свой шаг и направляясь к одиноко рокотающему над полем самолету.

– Есть, – ответил повеселевший почему-то шофер, отходя к своему автомобилю.

Жуков знал причину такой радости. Находясь здесь, среди других солдат, он мог по праву считать себя героем, так как возил "самого..!", которого в ту пору считали, действительно, чуть ли не за главного в государстве.

Даже наркому обороны меньше уделялось значения, нежели ему. Оно и понятно: Жуков здесь, а нарком где-то там, за двумя стенами, в подземных галереях Кремля.

А, как известно, всем ближе то, что рядом. Потому, его любили и уважали, невзирая на все его выходки и даже изредка частичное чванство.

Жуков подошел вплотную к самолету и постучал кулаком по крылу.

Летчик не прореагировал. Тогда он влез на него и заорал, что есть силы, преодолевая шум вращающихся винтов.

– Эй, ты что, оглох там, что ли? – и снова постучал, но теперь уже по кабине.

Пилот, очевидно, услышал и, отодвинув внутреннюю часть колпака, попытался вылезть из кабины.

– Сиди, – закричал маршал и принялся открывать заднее место штурмана.

Летчик все ж вылез из кабины и помог ему в этом.

Главнокомандующий занял свое место и, строго указав на северо-восток, произнес:

– В Москву.

– Есть, – ответил летчик, прикладывая руку к своему шлему и бросаясь к рукояти штурвала.

Спустя минуту самолет уже выруливал на взлетную полосу, а еще минут через пять он спокойно летел в облаках, оставляя за собой пелену ярко-белых вспышек и густые тучи сизого дыма, кружившегося над весенним полем аэродрома.

Маршал сидел в кабине и, молча, созерцал всю эту картину. Он не любил летать вот так, сидя запертым где-то сзади, но что поделать, когда этого требовало время.

И сейчас маршал мечтал о том, как бы скорее ему преодолеть все те километры и оказаться снова на земле.

В воздухе он чувствовал себя несколько раздавленным и беспомощным, нежели в какой другой обстановке. Даже на корабле ему было лучше. Но делать нечего, приходилось терпеть и все преодолевать, невзирая на тяготы и лишения.

В то же время чувство полета придавало его уму новую свежесть, и он за время таких путешествий мог спокойно обнаружить в себе что-то новое или обдумать какое предложение, сделанное кем-либо накануне или непосредственно перед взлетом.

Так было и сейчас.

Не успел самолет уйти дальше от тех злополучных разрывов, как его мысли заработали и начали прощупывать холодную подступь какого-то утреннего вездесущего зла.

Вначале Жукову показалось, что его вызов в Москву просто прихоть Верховного или желание увидеть лично и толком узнать обстановку, но сейчас, попытавшись восстановить в памяти детали одного ранее состоявшегося разговора, маршал вдруг подумал, что такое желание возникло не случайно.

Скорее всего, партийный аппарат вновь нуждался в очистке своих рядов, но тогда, зачем лететь куда-то в Москву, когда можно решить вопрос прямо на месте... Нет. Что-то здесь не то. Здесь что-то другое. Но вот что, хотелось бы знать заранее.

Долгие годы общения со Сталиным научили его быть осторожным в своих высказываниях и думах. И дело было вовсе не в боязни чего-то, а совершенно в ином, хотя внешне относящееся к тому же.

Жуков боялся быть недопонятым остальными. Но особенно он боялся показаться таким Верховному.

Еще задолго до того, как Сталин стал таким, как сейчас, у них состоялась одна из довольно неприятных бесед и, в первую очередь, конечно же, для него самого.

Сталин обвинил его в двурушничестве, прямо указав на связи с псевдокоммунистами и либерально настроенными гражданами.

Тогда, Жукову помог случай. Его спас сослуживец, давший показания супротив самого главного начальника НКВД и обрисовав картину всего происходящего на свету.

Сталин поверил. И поверил, конечно же, не за просто так. Он разыскал всех и вся и почти сделал очную ставку.

После того случая подобного не повторялось. Сталин, внешне якобы убедившись в его благонадежности, не обращал внимания на разного рода наветы, поклепы и просто болтовню.

– Так что же сейчас произошло? – думал Георгий Константинович, – неужто, кто осмелился именно сейчас предъявить какое-то ложное обвинение? И кому? Ему, Главнокомандующему, маршалу, удостоенному многих наград, в том числе и Героя, и т.д. и т.п. Что ж, возможно. В нашей стране заведомо ясно, что именно это возможно всегда. Не это ли та, утерянная ранее нить, что разостлалась сквозь время между ним и какими-то другими людьми. Отчуждение. Вот, что способствует разрыву.

Так за кого же он воюет? Может, и впрямь за самого себя или за того же Гитлера, посылая ему навстречу все новые и новые войска? Нет. Все это не то. Так что же? Может, кому пришло в голову, что Жуков исподволь ведет опасную игру, покоряя землю пядь за пядью и версту за верстой. А, воюя, обретает и авторитет. Не этого ли боится сам ...?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.